

Марина
ШАПОШНИКОВА

г. Астрахань

Два бублика

рассказы

Путешествие на льдине

Шестилетний Митька жил с родителями и старшим братом Фёдором в рыболовецком селе в низине реки Волги. Несмотря на небольшую разницу в возрасте, мальчишки частенько ссорились. Фёдор, которому шёл девятый год, был немногословен, — поджарый и длинный, как жердь. Местные задиристые пацаны дразнили его:

*«Федька-редька — каланча
Проглотил два калача!»
«Что, Федул,
Губы надул?»*

А Митя — егоза, минуты на месте не усидит! Невысокого росточка, взбитенький, будто тесто на опаре.

Бабушка по отцу, улыбаясь, приговаривала:
— Ты, Митя, в нашу породу пошёл — в Демьяновых. Мы с тобой два бублика из одной муки.

Дом Татьяны Евдокимовны стоял рядом с домом сына и невестки. Сколько Митька помнил, у бабушки всегда водилась разная пернатая живность: индюки, гуси, куры. Самой важной птицей в бабушкином птичнике мальчик считал петуха Степана. Утро начиналось с его задиристого петушиного крика. Степан забирался на насест в курятнике, вытягивал шею, хлопал крыльями и звонко горланил:

— Ку-ка-ре-ку!

Ох уж ему доставалось от бабы Тани за вылазки в огород! Но даже тогда он удирал с высоко поднятым гребешком, словно спешил по неотложным делам.

Время от времени Митька заглядывал в курятник и наблюдал за крошечными жёлтыми цыплятами, которые бегали за курицей и пищали. Забавляли его и смешные серые гусята. Оглядывая всё вокруг, они шагали за гусыней на речку, плюхались в воду и плыли, ловко загребая лапками. А вот гусака Гаврюшу мальчик побаивался. Старый шипун был гонористым. Когда Митька вприпрыжку носился по двору, гусь ис-

подтишка норовил ушипнуть его. Вытянет шею, цапнет в бок или за руку и давай шипеть.

Бабушка, созывая птиц на кормёжку, кричала курам: «Цып-цып-цып!», индюкам: «Гуль-гуль-гуль!», а гусям: «Тега-тега-тега!» Куры спешили к корыту с кормом словно на пожар! Квохтали, хлопали крыльями! Белый индюк, нахохлившись, вместе с индюшками следовал по-хозяйски вальяжно. Гуси шли гуськом и громко гоготали.

С живностью бабы Тани постоянно случались какие-нибудь забавные истории. Как-то ранней весной у бабушки из птичника пропали гуси. Она и во дворе всё просмотрела, и в сарай заглянула, за калитку вышла — нет гусей и всё тут! Тогда баба Таня и Митька сели в бударку¹ и поплыли вниз по течению реки. Бабушка шлёпает вёслами по воде, а внук во все глаза смотрит по берегам, на речку. Из зарослей осоки показался водяной пастушок². В длинном немного изогнутом клowe он держал свою добычу — малька. По Волге неспешно проплывали одинокие льдины. Какие-то из них были причудливых форм, другие похожи на белоснежные облака. Чуть заметная волна набегала на песчаный берег и оставляла на суше ледяную крошку. Всё вокруг словно притаилось в ожидании долгожданного тепла: наполненная талой водой река, выхоленная ветром земля, домики со снежными латками на крышах. «Как вкусно пахнет весной. Ещё немного — и весь лёд растает», — подумал Митька.

— Вот я слепая карга³! — сокрушалась баба Таня. — Как не углядела, что калитка открыта?!

— Ты гребь быстрее, может, ещё догоним гусей, — деловито проговорил Митька.

— Теперь ищи-свищи ветра в чистом поле!

Бабушка вздохнула, сильнее налегая на вёсла.

Немного проплыв по реке, мальчик увидел на одной из льдин белых птиц. Они сбились в стайку и с любопытством глазели по сторонам.

— Вон они, бабуля!

Баба Таня развернула лодку бортом вдоль заснеженного, ледяного плота и принялась звать сбежавших путешественников:

— Тега-тега-тега!

Гуси, услышав знакомый голос, загалдели и попрыгали в холодную воду.

— Я кому сказала: домой! Шибче⁴, шибче! — прикрикнула бабушка.

Птицы расправили крылья и поплыли к берегу.

Во дворе пропавших бродяг встречали петух Степан, несколько курочек и индюшки.

— Ах вы, негодники! — ворчала баба Таня, загоня птиц в гусятник, но по всему было видно, что она повеселела. — Митенька, чем я тебя сейчас угощу!

Бабушка приготовила на скорую руку драчену, добрила её сливочным маслом и хорошенько посыпала запеканку из яиц и молока сахаром. Достала из погреба припрятанное на особый случай клубничное варенье. Поставила на стол берестяной туюсок⁵ со сладкими бубликами.

— Митя, что сиднем сидишь? Кушай драчену, а то остынет! Чаёк я с мятой и душицей заварила, сейчас мигом согреешься.

Внук повертел чашку в руках и плутовски улыбнулся.

— Бабуль, а ты в детстве бедокурила?

— Случалось, тихоней я точно не была! От отца доставалось за проказы. Однажды стащила из дома его старую фуфайку. Как он меня ругал, ой, мамонька моя!

— Зачем тебе фуфайка-то понадобилась? — удивился Митька.

— А вот понадобилась! Я её на игрушки обменяла, — ухмыльнулась бабушка. — К нам в село каждый год в тёплое время приплывала осламка — небольшое парусное судно. Оно ходило по Волге до взморья и обратно. Ребятишки, заведя осламку, бежали к реке и радостно кричали: «Осламщик приехал! Осламщик приехал!» Торговец принимал у сельчан утиль, взвешивал его на напольных весах, что стояли на палубе, и обменивал ненужное в хозяйстве барахлишко на товар. Закрома осламщика были полны: ткани, керосиновые лампы, недорогая бижутерия, игрушки... Детвора, спускаясь в трюм осламки, готова была отдать все свои тряпки за куклы, игрушечные пистолеты, петушки на палочке! Однажды я решила во что бы то ни стало заполучить мячик на резинке и свистульку — яркую глиняную птичку. Недолго раздумывая, я сдала торговцу фуфайку, что висела у нас в сенях. Отец спохватился о пропаже лишь через месяц.

— А откуда эти богатства у осламщика? Он что, был пиратом?! — Митька затаил дыхание.

— Нет, он простой торговец. Сдавал утиль в го-

роде, закупал ходовой товар и отправлялся по реке на деревянном судёнышке.

— Я тоже мечтаю путешествовать под парусом на море! — мальчик невольно расправил плечи и вскинул голову. — Бабуль, расскажи ещё что-нибудь о своём детстве.

Баба Таня задумалась.

— Помню, как старшая сестра Варя разыскивала меня по всему селу, а я в шиш залезла и сижу играюсь.

— А что такое шиш? — поинтересовался внук.

— Шиш — из камыша, немного похож на шалаш, только верхушка у него заострённая. Поздней осенью окрепшие от первого морозца стебли камыша срезают ураком — короткой косой и вязали в снопы. Подсушенные снопы перекладывали в шиши, которые ставили в виде круглых шалашей за дворами подалее от домов.

— А зачем нужен был камыш? — допытывался Митя.

— Многие им отапливались, из камышитовых плит строили жилища. Как расставят на улице шиши, малышня бежала к ним в прятки играть. Мальчишки постарше делали в шише штаб.

Бабушка заботливо поправила внуку воротничок рубашки.

— Не рассказала я тебе свою историю до конца. Вытащила меня сестра из шиша и повела домой. Мама увидела, что я вся чумазая в пуху стою, всплеснула руками и давай меня с головы до пят веником обметать! Сколько лет с того времени прошло... Вот и ты, когда подрастёшь, обязательно вспомнишь, как мы гусей-бродяг искали и слова мои: «Мы с тобой два бублика», — проговорила баба Таня.

А Митька продолжил:

— Из одной муки.

Бабушка кивнула в ответ, обняла внука и протянула маковый бублик.

На Яблочный Спас

Татьяна Евдокимовна была первой певуньей на селе. По праздникам к ней в гости приходили товарки⁶. В эти часы её низенькая мазанка из камыша и глины оживала, наполняясь смехом, запахом пирогов и тягучими, как патока, звуками песен.

В тёплое время на веранде ставился медный самовар с резной конфоркой и изящной гравировкой на крышке: «Самовар кипит — уходить не велит». Лёгкий дымок от древесных угольков, которыми растапливался пузатый самоварчик, поднимался вверх и растворялся в воздухе вместе с сочными звуками понизовских песен. За досужими разговорами каждый выпивал не меньше трёх чашек. Митька присаживался на угол стола и тоже подпевал, а потом тянулся за самым большим куском пирога.

Его излюбленным уголком во дворе у бабушки был деревянный сарай с камышовой крышей. В сарайчике хранились старые вещи: сломанный комод с ненужной посудой, гнутое коромысло, приставная деревянная лестница, столярный набор, удочки.

Митя часами мог перебирать здесь необычные вещицы, каждый раз находя что-нибудь интересное. Он разглядывал чугунки с закопчёнными боками, жарник — рыбацкую круглую печку, керосиновый фонарь, рыболовную зюзгú с прохудившейся сетью на обруче и длинной ручкой. На полках лежали коробочки с гвоздями и жестяная банка, в которой хранился ключ от потёртого клетчатого чемоданчика. В нём Митя прятал журналы, игрушечный пистолет и бинокль. Возле стены стоял верстак, пропитанный запахом стружек. Мальчик легко на него забирался и в царившем полумраке представлял себя капитаном судна, плывущего по волнам.

Как надоедало Митьке копошиться в сарае, так он прямёхонько мчался в бабушкин палисадник к яблоне. Залезет на дерево повыше и рассматривает соломенные и тесовые крыши домов, белых чаек у песчаного берега реки, кургузые, выгоревшие под солнцем лодки,

старый баркас, напоминающий большую морскую черепаху.

Летом мальчишки частенько звали Митю купаться на речку. Так бабуля без всяких уговоров отпустила его. Улыбнётся и скажет:

— Ты же весь, как чугунок, чёрный! Ну ладно, иди, только недолго.

Пацаны на Волге наперегонки плавали, башем⁷ ныряли. С берега можно было рассмотреть проходящее судно и прочитать по слогам его название. Буксиры, корабли шли по реке медленно, словно переваливались с боку на бок, как утки.

А однажды Митька тайком от бабушки взял из бани корыто и давай в нём кататься по реке! Что тут началось: мальчишки под него подныривают, брызгаются, визжат! Закончилось всё тем, что жестяная посуда опрокинулась и пошла ко дну. А ей хоть и сто лет в обед, всё равно вещь в хозяйстве нужная, — от бабы Тани может достаться.

Митька с приятелями стали нырять. Да только как его отыщешь в воде? Хорошо, Витька рыжий нырнул поглубже, изловчился и достал пропажу со дна. Во двор к бабушке корыто всей гурьбой несли, а она исподлобья взглянула на пацанов и давай их отчитывать:

— Ах вы, шаромыжники! Зачем вам корыто моё понадобилось?!

Мальчишки — врассыпную, а Митьке ответ держать.

Баба Таня могла пожурить внука, могла горой за него встать. Случалось, он набедокурит, а отец прознает и кричит:

— Где этот неслух, по которому ремень плачет?!

Митька пролазил в дыру в заборе и стрелой мчался мимо грядок с помидорами в дом бабы Тани. Забежит на крыльцо и в самой дальней комнате под занавеской схоронится. Еле живой от страха стоит, слушает, как бабушка с отцом разговаривает:

— Ну чего ты на мальчика взъелся? Аль других дел нет? Не пыли, сынок, ступай!

Тот лишь рукой махнёт, обронив:

— Заступница!

Внук любил ночевать у бабушки. Возьмёт с собой тюфяк, подушечку из куриного пера и тащит их по двору.

— Ты чего по земле тюфяк волочишь? — ворчит баба Таня, а у самой глаза смеются: будет с кем ночь коротать.

Её часто бессонница мучила. Встанет среди ночи, мается, а потом чай заварит и к внуку тихонько подойдет.

— Мить, ты не спишь?

Он сквозь сон:

— Нет.

— Айда чаёвничать.

А Митька молчит, сон досматривает.

— Да что я тебе чай предлагаю? — не унимается та. — Я же вчера на базаре арбуз купила! Митюшка, будешь арбуз?

— Угу, — буркнет спросонок внук и шлёпает босыми ногами за бабой Таней на кухню.

Она протрёт полосатую ягоду, возьмёт нож и режет её ровнёхонько пополам. Арбуз под ножом трещит, а на тарелку сок стекает. Мякоть у него красная, сахарная и нежная, как бархат.

— Смотри, в самый раз поспел! — улыбнётся бабушка и отрежет Митьке кусочек.

А кусочек — словно полумесяц, и семечек в нём, как звездочек на небе. Внук семечки выковыривает, а на месте семечек — дырочки. Митька сидит и через них бабушку разглядывает, кухонный шкаф, окно в ночи. Баба Таня отхлебнёт из чашки глоток чая, махнёт печенье и с Митькой болтает.

— Я в детстве, как и ты, любила арбузы. Мама на исходе лета варила патоку — арбузный мёд. Какая она была душистая и сладкая! Последушки родители квасили в дубовой кадке с яблоками и листьями смородины. Дней через двадцать можно было пробу снимать, — посматривая, как внук уплетает арбуз, скажет бабушка. — Уж кто-кто, а моя мама знала в арбузах толк! Когда она была ребёнком, к ним на бахчу приезжали купцы на подводах. Покупали арбузы поштучно и возами⁸. Воз арбузов стоил меньше рубля. Их было так много, что отдавали за бесценок. Арбузы мерили по размеру верхками⁹. Крупные — «аршинники», средние — «безвершковы», ещё меньше — «половинники», а самый мелкий арбуз, меньше пятидесяти сантиметров, назывался «беспалый». Остальное считалось мелочью и шло на арбузный мёд, квашенье и корм скоту.

Внук заслушивался рассказами бабушки. За ночными посиделками он пару кусочков арбуза одолеет, и пойдут они снова спать.

В селе все знали: Митю с бабой Таней водой не разольёшь. Но иногда и у них случались ссоры. Как-то к соседке бабе Наташе на лето приехал внук из города. Митька был с ним знаком, они вместе не раз ловили рыбу. Илья жуть как боялся червей. А какая рыбалка без наживки?! Митя насадит на крючок червя, да так ловко! Илюша тоже выручал приятеля: его леску в речку подальше закидывал.

Вечером Митя хотел договориться с Ильёй об утренней рыбалке. Но баба Таня собиралась за молоком и позвала его с собой. Отказать бабуле он не мог, тем более что идти было недалеко. «На обратном пути к Илюшке загляну», — решил Митя. Бабушкина приятельница налила полный бидончик молока, приговаривая:

— Молоко парное, только коровушку подоила.

Мальчик взял бидончик и направился к калитке.

— Какой молодец, помощник растёт! — похвалила его соседка.

Митя и баба Таня возвращались домой довольные.

— Сейчас придём, я тебе кашу пшённую сварю, с маслом да сахаром. Серединка полна, краешки играют, — улыбалась бабушка, глядя на внука.

Они завернули в переулок и поравнялись с домом бабы Наташи. Мальчик вытянулся, надеясь увидеть во дворе приятеля.

— Митя, крепче держи бидончик! — только и успела прокричать бабушка.

Внук запнулся за камень, не смог устоять на ногах и упал на правую коленку. Бидончик выскользнул, и молоко всё до капельки вытекло на песок.

— Ах! — баба Таня всплеснула руками. — Святые угодники! Что за наказание такое! Зачем только я тебя с собой взяла!

Митьке до слёз было больно коленку, но ещё больше ранили слова бабушки.

— Вот и ходи одна за молоком! — выкрикнул он в сердцах.

Мальчик отряхнул песок и бросился бежать, оставив на земле пустой бидончик. Дома у бабы Тани впопыхах свернул тюфяк, взял подушку и

порывистым шагом направился к забору. Митина мама в это время развешивала во дворе белье.

— Ты чего надулся, как мышь на крупу? Никак с бабушкой поссорился?

Тот, не оглядываясь, молча тащил тюфяк и подушку.

На следующий день рано утром Митя с Ильёй отправились на рыбалку. С реки веяло прохладой и тиной. Редкие всплески рыбёшек нарушали тишину. В осоке у берега скрывалась пёстрая соседская утка с утятами.

Митька, обычно разговорчивый, не проронил ни слова. Ближе к полудню стали складывать удочки. Илья, довольный уловом, разглядывал содержимое ведёрка: с десяток тарашек, семь или восемь вобл, окунь и даже один подлещик. Серебристая чешуя поблёскивала на солнце.

— Гляди, дельная рыба! Почти целое ведёрко наловили! — радовался он, но Митя лишь улыбнулся краешками губ.

После рыбалки мальчишки пошли к бабе Наташе. В летней кухне она почистила рыбу, обвалила её в муке и достала чугунную сковородку, собираясь жарить. Приятели сели под солтенью¹⁰. Митя посматривал на соседку и вспоминал, как прошлым летом баба Таня вот так же угощала их с Ильёй жареной рыбой с золотистой и хрустящей корочкой.

Возвращаясь от друга, Митька по привычке остановился у дома бабы Тани. Хотел открыть калитку, но вспомнил о вчерашнем происшествии и угрюмо пошёл дальше.

Дни шли своим чередом. Баба Таня время от времени заходила к ним, спрашивала о Мите, но он прятался в своей комнате. Накануне Яблочного Спаса бабушка принесла внукам гостинцы: пирожки и наливные душистые яблоки из своего палисадника. Митина мама позвала всех к столу.

Митька старался хоть как-то потянуть время. Одёрнул футболку, пригладил чуб. Нехотя зашёл на кухню. Опустил глаза и сел за стол рядом с братом. Баба Таня хвалилась урожаем:

— Этим летом яблочки прямо ходом спеют, я уже повидло сварила. А какая из них вкусная пастила получилась!

Митька обожал скрученную в трубочки кисло-сладкую пастилу бабушкиного приго-

товления. Как же ему хотелось прямо сейчас попробовать её! Он ёрзал на стуле, вспоминая, как уронил бидончик с молоком. Баба Таня украдкой посматривала на внука, потом взяла с тарелки самый румяный пирожок и протянула ему:

– Митенька, держи самый вкусный! Кушай, пока горяченький.

Митька замер: «Отругала меня, а всё равно ведь любит!» У него в сердце словно льдинка растаяла, он посмотрел на бабулю и взял пирожок.

Все пили чай, ели сладкие яблоки и загадывали желания на Яблочный Спас. Мама смотрела то на Митьку, то на бабу Таню и знала наперёд, что сын сегодня опять тюфяк с подушкой к любимой бабуле потащит.

Торлянка

Летнее утро встречало Митьку запахом свежеспечённой ягодной коврижки. Он на цыпочках прошёл на кухню и осторожно отщипнул корочку горячего печева.

– Что за мышка здесь шуршит? – услышал Митька голос мамы.

Он обернулся и по-лягушачьи растянул губы в улыбке. Ловко юркнул у неё под рукой, сиганув к входной двери. Сбежал с крыльца и заглянул под рундук. Прошлым вечером Митька поставил туда полное блюдечко молока для знакомого ежа. Содержимое блюдца было нетронуто. Мальчик вприпрыжку поскакал к медному рукомойнику, который стоял в тени абрикосового дерева.

После завтрака Митька заглянул к бабушке. Та возилась на веранде, перебирая крыжовник для варенья.

– Бабуля, я тебе коврижку принёс!

– Спасибо, Митенька.

Их разговор прервал сосед:

– Доброго здоровьечка!

– Здоров, Елисей! Проходи, – ответила Татьяна Евдокимовна.

– Я смотрю у тебя помидора на грядке одна

красней другой. Туды-сюды – и урожай собирать будешь!

– Не сглазь! – рассмеялась соседка.

– Я не глазливый. Вот и пришло красное лето – зеленый покос.

– Твоя правда, Елисей, – согласилась Татьяна Евдокимовна. – Мы с отцом каждый год в это время на сенокос выбирались. Отец траву на сено косил, а я рядышком бегала – в лукошко ежевику собирала. Сядем с ним под ветвистым деревом и слушаем, как скворец-пересмешник неподалёку передразнивает кого-то. Достанем из узелка сушку¹¹, огурцы, помидоры, скорёхонько перекусим и купаться на речку побежим. Освежусь, а там и домой пора. Дня через три перевозили снопы в сеник. Отец сено на лодку нагрузит, меня сверху посадит. Я сижу и смотрю во все глаза, как корма лодки в воду просела.

Елисей Игнатьевич улыбнулся и лукаво прищурил глаза.

– Татьяна, ты мне давеча деревянную игличку¹² обещала. Сеть-то у меня совсем прохудилась.

– Сейчас принесу. – Баба Таня направилась в дом.

Дед Елисей присел за стол на веранде.

– Давай, малец, побалюкаем малёхо. Бабушка у тебя – во! – сжав кулак и оттопырив большой палец, проговорил он. – Мы с ней в аккурат три десятка на рыбокомбинате отработали. Я – солельщиком, она – резальщицей. В рыбацком промысле премудростей хватает! Мало рыбу поймать, её ещё нужно до ума довести. В нашу бытность товарки разделявали рыбу за деревянными столами. Сидели они попарно друг против друга. Кто кричал, кто смеялся, кто что-то напевал себе под нос. Потом рыбу кидали в чан с водой, промывали и везли на тачках в рыбопосольные выходы¹³. Для посола щуки, сома, леща, сельди, воблы использовались колоды¹⁴: чаны¹⁵ и лари¹⁶. Были они сделаны без единого гвоздя из дубового пластинника. В углу ларя ставился сбитый из досок длинный узкий ящик – колодец. Через него охлажденный тузлук заливали в ларь. Рыбу пересыпали крупной солью, укладывали рядами и покрывали прижимными сланями¹⁷. Сейчас от нашего рыбокомбината один пшик остался.

Лабазы¹⁸ опустели, вешала¹⁹ и те стоят без надобности, — вздохнул дед Елисей. — А ведь когда-то наш рыбный промысел гремел на всю округу! Одних рыболовных судов было не меньше двух десятков. А то и поболее. Рыбницы²⁰, реюшки²¹, прорези²² так и сновали по реке! Скажи мне, Митяй, как на речке жить и без рыбы быть?

Мальчик пожал плечами.

— Вот и я не пойму. Не зря же говорят, что в Астрахани и коровы рыбу едят!

Елисей Игнатьевич говорил неторопливо, причмокивая, словно пробовал на вкус каждое словечко. Рядом на высокой табуретке сидел Митька и болтал ногами.

Татьяна Евдокимовна, вернувшись, протянула соседу игличку. Тот поблагодарил её, пожал мальчонке руку и пошёл к калитке, шаркая лёгкими плетёнками по-стариковски.

— Митя, у меня в огороде бутылочная тыква поспевает. Хочу сделать из неё фляжку для тебя, — бабушка заговорщически посмотрела на внука.

Они подошли к беседке, возле которой раскинулись плети горлянки. Баба Таня раздвинула пятиугольные шероховатые листья, и мальчик увидел две маленьких тыковки нежно-зелёного цвета.

— Помню, на Рождество мама подарила мне ёлочную игрушку из тыквы-горлянки, — бабушка положила руку на плечо внуку, легонько прижав его к себе.

— Я твою фляжку на рыбалку буду брать! У папы тоже такая есть! — Большие глаза Митьки заблестели от радости. — А ежи любят тыкву?

Баба Таня удивлённо хмыкнула, поправив косынку на голове.

— Думаю, они больше предпочитают гусениц и дождевых червей.

— Фу... Червей? — сморщился мальчик. — А я угостил ежа молоком. Только он пить его не стал.

— Уверена, твой знакомый не откажется от риса с мясом и морковкой. У меня осталось немного плова.

Как стемнело, Митька положил в блюдо бабушкин плов и стал поджидать ежа. Полная луна была словно окутана густым туманом. С реки доносилось глухое кваканье ля-

гушек. Мальчуган, отмахиваясь от мошкары, пробурчал:

— Комаров — как из мешка высыпали!

И вдруг увидел маленького смешного ёжика с вытянутой мордочкой и светлыми иголками. Он подбежал к блюду и начал есть плов. Шум из соседнего двора испугал его. Ёж, быстро перебирая лапками, помчался по дорожке.

Через несколько дней Митя заглянул к бабушке. За это время горлянка немного подросла. Её кремовые цветы напоминали изящные бокалы, которые распускались среди широких листьев после заката.

Петух Степан, щипля травку у беседки, принялся клевать тыковку.

— Ёкарный бабай! — закричал Митька и галопом побежал за петухом.

Тот не на шутку испугался. Громко кудахча, он пустился наутёк. Забежал в курятник и забрался на насест повыше.

— Зараза! Что ты наделал?! — рассвирепел мальчик. — Глупая птица!

Баба Таня, услышав шум, поспешила во двор.

— Степан поклевал тыкву! — выпалил Митька.

Он насупился, глядя на проделки петуха. Баба Таня взяла нож и осторожно отрезала испорченный кусочек горлянки.

— Не переживай, через несколько дней её бочок зарубцуется и дальше будет расти. Смастерим из неё кормушку для птиц, — успокоила она внука. — Как поживает твой ёжик?

— Я его смородиной кормлю. Два дня назад положил ему в блюдце три ягодки, он их съел. Вчера положил четыре. Он три смородины съел, а четвертую оставил. Получается, ёж — математик?!

Митя с бабушкой рассмеялись.

В конце лета пришло время для сбора урожая. Баба Таня срезала бутылочные тыковки, хорошенько их вымыла и положила сушить на солнце. Месяца через три горлянки полностью высохли. Бабушка залила их кипятком и накрыла влажным вафельным полотенцем. Потом показала Мите, как удалить верхний слой с горлянки, и протянула скребок. Мальчик осторожно соскрёб с бочка тыквы кожицу.

— Молодец, — похвалила его бабушка и принялась увлечённо рассказывать внуку о сказочном овоще. — Простая на первый взгляд тыква хра-

нит немало историй и загадок. Говорят, что в ней спрятано солнце, поэтому у неё такой красивый цвет — песочный с оттенком апельсина. Из тыквы-горлянки делают вазы, шкатулки, музыкальные инструменты. Из молодых плодов можно приготовить икру, оладьи и даже тыквенный суп. В Древнем Вавилоне тыква помогала не загромождать колесницам проезд к дворцу царя Хаммурапи, выполняя роль первого светофора. Ночью раб-регулировщик вешал на плечи коромысло с двумя тыквами на концах. Через отверстие внутрь тыкв наливали смесь нефти и минеральных добавок и поджигали фитиль. На правом плече пламя было красным, а на левом — зеленым. Регулировщик поднимал руку, разрешая или закрывая проезд.

После того как вся кожица была удалена, баба Таня отпилила ножовкой верхушку тыквы, а Митя принялся ложкой вынимать из неё мякоть и семена.

— Эти семечки совсем не похожи на тыквенные: вытянутые, снизу — квадратные, а в середине две светлые полоски, — пробубнил Митька.

Повозившись немного с горлянкой, бабушка заткнула горлышко пробкой и протянула внуку.

— Держи, это тебе мой подарок.

Потом взяла вторую тыкву и выпилила круглое окошечко в боку.

— Смотри, Митя, стало совсем не заметно, что нашу пузатую красавицу петух Степан поклевал. Надеюсь, птички оценят нашу кормушку.

Повесить домик для птиц решили на ветвистую старую яблоню, что росла в палисаднике. Ещё в начале октября с неё был снят весь урожай, и теперь лишь редкие ржавые с зубчатыми краями листочки виднелись на голых ветках. Мальчик взял кормушку, залез на дерево и осторожно закрепил её проволокой, чтобы не повредить ветку.

Теперь, как только выдавалась свободная минутка, Митька бежал к яблоне и сыпал зёрна в кормушку. Воробушки, синички осторожно склёвывали крошки и улетали, а самые любопытные, чирикавая, с интересом заглядывали в домик из тыквы. Что же они там искали? Может быть, солнце?..

Тайна на троих

В первых числах декабря было слякотно. Отчего-то зима хандрила, и морозы в низовье Волги приходиться не спешили. Лёд на реке местами подмерзал, но день, другой — и снова таял.

Митя и старший брат Фёдор гуляли у реки и кидали камушки в воду. Митька пытался бросить камушек как можно дальше, но ничего не выходило. Фёдор, который был ловчее и на голову выше, с лёгкостью обыгрывал младшего брата почти во всех соревнованиях.

— Мазила! — съязвил Федька.

Митя насупился.

— Скучаете, пацаны? — услышали мальчишки голос отца.

Они обернулись и подбежали.

— Зима на носу, а у бабушки опавшие листья во дворе валяются. Пойдите соберите.

— Федя, пошли, — Митька потянул старшего брата за рукав.

Тот отдернул руку и, увидев расстёгнутую верхнюю пуговицу куртки, неспешно стал её застёгивать. Потом медленно зашагал вдоль берега, словно бурлак.

— Федька, ну что ты вошкаешься²³? Как бабка с зимбилём²⁴! — прикрикнул отец.

Мальчик сгорбился, уклоняясь от ветра.

— Да иду я, иду, — буркнул Фёдор и, деловито размахивая руками, направился к дому бабы Тани.

Митька побежал следом.

— Какие молодцы, вдвоём пришли. Так и надо друг друга держаться, вы же братья! — радовалась бабушка.

Она снабдила внуков метлой с коротким черенком и торчащими во все стороны прутьями. Принесла из сарая старенькие грабли и лопату.

— Пока моряна²⁵ не раздулась, схожу к главе села. А на обратном пути гостинцев вам прикуплю. Как ворочусь, чаёвничать будем. Помощники мои...

Баба Таня разгладила рукой манжеты выходного драпового пальто и направилась к калитке.

На улице было зябко и сыро. Жёлтые и багровые листья рваными заплатками лежали на земле. Фёдор схватил грабли и стал проворно собирать опавшую листву в большую пёструю кучу, а Митя сметал с дорожки мелкие листочки.

— Раз, два и готово! — весело сказал Митяй, наблюдая, как старший брат бросает лопатой шуршащие листья в тележку.

Мальчишки присели на завалинку, с любопытством поглядывая на ворону, которая копошилась недалеко от бани. Она выковыряла из-под земли грецкий орех и, зажав его в клюве, взлетела на орешник. С высоты бросила добычу на землю и, громко каркая, подлетела. Вновь схватила орех, забралась на ветку повыше, кинув его оземь. Наконец-то скорлупа раскололась. Птица схватила лакомый трофей и полетела прочь.

Пацаны захохотали. Они, ожидая бабушку, зашли в дом. Разделись и бросили верхнюю одежду на лавку в сенях. Митька подбежал к стеклянной бутылки с узким вытянутым горлышком, которая стояла в углу коридора.

— Ух ты, сколько мёда!

— Больше на подсолнечное масло похоже, — обронил Фёдор.

— Какое ещё масло?! Это — мёд, вот увидишь сейчас!

Митя попытался открыть бутылку.

— Дай я! — вызвался помочь Фёдька. — Тяжёлая, шельма!

Он одной рукой наклонил бутылку, а другой стал снимать крышку.

— Я сам открою, я первый увидел! — заканючил младший брат.

В конце концов крышка сорвалась с горлышка, бутылка выскользнула из рук Фёдора и покатила по коридору.

— Так и знал, что это масло! — всполошился Фёдька и бросился собирать подсолнечное масло в ладошки.

Митька хотел помочь ему, но ноги сами собою разъехались на масляной жиже. Он грохнулся во весь рост, проехался на спине по коридору и тут же вскочил.

— Вот это умора! — крикнул Фёдька и покатился вслед за братом на пузе.

— Я тоже так хочу! Ой-е-ей! — Митька, ука-

тываясь со смеху, снова шмякнулся на пол.

Перемазанные подсолнечным маслом мальчишки хохотали и катались по дощатому крашеному полу то на пузе, то на спине! Туда-сюда, туда-сюда!

Баба Таня возвращалась домой в приподнятом настроении. Она успешно порешала свои вопросы с главой села и на радостях купила в магазине для внуков шоколадные пряники и конфеты.

— Играетесь? — как гром среди ясного неба услышали пацаны голос бабушки и застыли на месте.

Баба Таня, почуяв неладное, шурилась, разглядывая Фёдьку и Митю.

— Вы чего блесстите, как начищенные самовары?

Её взгляд наткнулся на валяющуюся в углу коридора бутылку.

— Забери вас мамо холера! — взвилась бабушка. — Головы ваши садовые! Ах, поганцы, что удумали! Два сапога — пара, да вот беда — оба левые! В доме нахавозили²⁶, сами все чумадые, как чугушки!

Мальчишки, оторопев, слушали её.

— Прижухались, как мыши? Все мои запасы медным тазом накрылись!

— Я куплю тебе масло, у меня есть деньги в шкатулке! — завопил Митька, глотая слёзы.

— Чего ты буровишь? Помалкивай лучше, деньги он даст! Какой барин выискался! Бог с ним с этим маслом, но вы же одёжу свою попачкали! Все ваши хурды-мурды теперь только выкинуть! — раздражённо кричала бабушка.

Митя, всхлипывая, закрыл лицо руками, а Фёдька заныл:

— Бабуль, ты только папке не рассказывай! Брат маленький, а мне опять достанется!

— Хватит кундить²⁷, как девчонка! Набедокурил — отвечай!

Фёдор, потупив взгляд, замолчал. Он знал: бабушка, как чайник, покипит, покипит, выпустит пар и остынет.

Баба Таня ещё немного попричитала и принялась хлопотать вокруг внуков:

— Сымайте рубахи и шаровары!

Она заботливо обтёрла мальчишек влажным полотенцем и достала из шкафа чистую одежду.

— Чего молчите? Озябли, небось. Накиды-вайте одежку, а то ведь и застудиться не-долго.

Федька и Митя оделись и присели на краешек дивана в комнате. Бабушка растопила баню и бросила в печку к дровам промасленное барахло. Набрала в ведро воду, взяла тряпку и начала прибираться в доме.

— Бабуль, давай помогу, — предложил Федя.

— Напомогались уже, — укорила она.

— Я тоже могу помочь! — оживился Митя.

Мыть залитый подсолнечным маслом деревянный пол было непросто. Его драили втроем раз пять. Пока бабушка возилась на кухне, внуки отмывались в бане.

— Задали вы мне работёнку, — разливая после обеда душистый липовый чай по чашкам, ворчала баба Таня. — Только утром прибралась в доме, а здесь сызнова начинай.

Митька сидел за столом не шелохнувшись, а Фёдор то и дело одёргивал штаны, которые были ему чуток коротковаты.

— Зима нынче совсем никудышная! — в сердцах бросил Фёдка. — Ни на коньках, ни на санках не покататься!

— Да уж! Вы сегодня власть накатались!

— Мы ничего такого не хотели. Митька думал, что это мёд, — робко оправдывался внук.

— А у меня как раз есть земляничный медок! — смягчившись, проговорила бабушка.

Она достала из буфета крем-мёд.

— Мой любимый! — Митька потянулся с ложкой за лакомством нежно-розового цвета.

— Федя, а ты что, сладкое не ешь? Сидишь, насупился?

— А чему радоваться? На улице морось, грязь.

— Сейчас зимы не то что раньше были, — согласилась баба Таня. — Такие морозы стояли, что воздух звенел. От нашего дома до школы было рукой подать, но пока доберёшься, как сосулька обледенеешь. Помню, как-то из-за морозов даже уроки отменили. Чернила в чернильницах замерзали, в классах такой колотун, будто печник и не топил вовсе печку. Детвора из школы гурьбой на улицу высыпала. На радостях стали в снежки играть, с заборов в сугробы прыгать, кататься с горки на ранцах, чунках²⁸, а ещё на карусели до одури.

— На какой карусели? — хмыкнул Митя.

— Карусель пацаны каждую зиму мастерили. С вечера пешнёй пробивали во льду лунку, в неё вставляли брёвнышко, которое за ночь примораживалось. Чуть погода мальчишки на брёвнышко прикручивали колесо от телеги, а уже на него привязывали жердь. За длинный конец цепляли чунки. На них кто-нибудь ложился. На короткий конец налегали толпой, чтобы пустить чунки по кругу. Раскручивали их, пока лежачий не вылетит из чунок. А вылетит, катится по льду куда попало и орёт на всё село! — невольно усмехнулась бабушка.

— Я бы прокатился на такой карусели! — хихикнул Федька.

— А я нет. У меня голова закружится, — отозвался Митя и деловито подпёр голову рукой.

— Ничего ты не понимаешь, малёк! Нам бы такую зиму, чтобы снег по макушку высыпал и уроки отменили!

— Федя, Федя... — вздохнула бабушка. — Я в детстве зимой не только развлекалась. Нужно было печь топить, во дворе дорожки чистить от снега, воду с речки таскать. Бывало, отец запряжёт в сани верблюдицу, и еду я с бугра к реке. Вокруг всё белым-бело, под полозьями снег скрипит, а через рукавицы холодом пальцы обжигает. Когда с верблюдицей Маней первый раз к проруби отправились, я перепугалась не на шутку.

— А что случилось? — поинтересовался Фёдор.

— Да вот какая штука вышла. Я из проруби воду в бочку набрала, села в сани, и стали мы с верблюдицей на бугор забираться. Дорожка за ночь вся заледенела. Маня согнула длинные ноги — плюх! — и упала на снег. Я в санях сижу, держусь крепко за поводья и кричу ей: «Чу-чу! Манечка, миленькая, что с тобой?!» А она по наледи на карачках ползёт. Оказывается, ей так проще было на бугор забираться, — пояснила баба Таня. — До сих пор помню её глаза: большие, тёмные, немного грустные, с длинными мохнатыми ресницами.

— Какая умная верблюдица, — заметил старший внук.

— А сколько смешных случаев было, — улыбнулась бабушка. — Как-то зимой мы с отцом собрались в гости к его сестре — моей тётке.

Мама укутала меня хорошенько, постелила в чунки тёплую козью шкурку. Папа привязал к своим валенкам железные бузлуки²⁹ с шипами. Их носили зимой, чтобы ноги не скользили по льду. И отправились мы с отцом в соседнее село. Он через замёрзшую речку бежит, а я в чунках качусь. Почти у противоположного берега папа обернулся и глазам своим не поверил — чунки пустые! Пригляделся: я на льду сижу и хнычу. Остаток пути он меня на закорках нёс. Мы с ним эту историю часто вспоминали.

Баба Таня отпила чаю и поставила чашку на блюдец.

— Как тяжело ни было, а зиму с Рождеством я как чуда ждала! На живую ёлку детвора могла только в доме культуры поглазеть. А дома мы с мамой и сестрой Варей наряжали нашу любимую розу³⁰, что в деревянной кадке росла. Из бумаги вырезали разные фигурки и снежинки, из ячной скорлупы делали курочек, петушков. Вешали на ветки, так, чтобы не задеть красные цветки, похожие на граммофончики. В Рождество мама с бабушкой распевали песнопение «Рождество Твое, Христе Боже наш», а я с сестрой ранёхонько спешила на улицу. Мы с соседскими детьми ходили по дворам колядовать. Первым шёл звездарь — одноклассник сестры. Голосистый и кучерявый Терентий помнил столько колядок, сколько никто из ребят сроду не знал. Он нёс на посохе блестящую восьмиконечную звезду. Следом шёл звонарь. Меня пару раз выбирали звонарём. Я бойко звонила в колокольчик и пела:

*Колокольчик наш звенит,
Добрым людям говорит:
Мы пришли колядовать,
С Рождеством вас поздравлять.*

Потом должен был идти мехоноша с мешком из яркой ткани. Но у нас мехоноши не было, с котомками каждый ходил. Мы забегали в дом и распевали колядку:

*Маленький вьюнчик
Сел на стульчик.
В дудочку играет,
Христа забавляет.*

*Хозяин с хозяйшкой,
Сходите в сундучок,
Принесите пяточок
Нам на орешки,
А вам — для потешки.*

За старания нам давали мелкие монетки, лепёшки, пышки и конфеты.

— А кто такой вьюнчик? — полюбопытничал Митька.

— Это мальчик непоседливый, как ты, — съёрничала баба Таня.

Внуки рассмеялись.

— Бабуль, прости нас, — робко произнёс Федя.

Просьба о прощении осталась без ответа. За окошком смеркалось. Мальчишки засобирались домой. Провожая внуков, баба Таня нежно посмотрела сначала на одного, потом на другого и проговорила:

— Наказать бы вас надо, да ладно. То, что сегодня произошло, я никому не расскажу. Пусть это будет нашей тайной на троих.

Федька от радости захлопал в ладоши, а Митька встал на носочки и поцеловал бабулю в щёку. Старший брат взял младшего за руку, и зашагали они домой.

Примечания

¹ Бударка — небольшая лодка.

² Водяной пастушок — водная птичка, похожая на курочку

³ Карга — ворона.

⁴ Шибче — живо, быстро.

⁵ Тўес — сосуд из бересты цилиндрической формы. Используется в быту для хранения различных пищевых продуктов и жидкостей.

⁶ Товарка — приятельница, подружка.

⁷ Нырять башем — вниз головой.

⁸ Воз — четырехколесная телега для возки сена и других сельскохозяйственных продуктов.

⁹ Вершок — старорусская единица измерения, первоначально равнялась длине основной фаланги указательного пальца.

¹⁰ Солтень — навес во дворе.

¹¹ Сушка — сушеная рыба.

12 Игличка — инструмент для чинки и вязки сетей.

13 Выход — рыбопромысловое помещение.

14 Колоды — изготовленные из деревянных брёвен изделия.

15 Чан — большая глубокая кадка.

16 Ларь — дощаной сруб в яме, с тузлуком (рас-солон), для соления и хранения в выходах рыбы.

17 Слани — деревянный настил из бревен.

18 Лабаз — строение на ватаге для посола рыбы, хранения продукции.

19 Вешала — параллельно расположенные деревянные шесты с поперечными перекладинами, предназначенные для развешивания и сушки рыбы.

20 Рыбница — рыболовецкое судно относительно больших размеров, обычно палубное, встречающееся в Каспийском море.

21 Реюшка — парусное рыбацкое судно, предназначенное для лова рыбы. Имела палубу и две мачты с косыми парусами.

22 Прорези — промысловые лодки, имеющие в средней части отсек, отгороженный двумя водонепроницаемыми перегородками. Днище отсека сообщается через щели с забортной водой, а сам отсек служит садком для рыбы.

23 Вошкаться — долго возиться с чем-либо.

24 Зимбиль — большая хозяйственная сумка из рогозы, чакана.

25 Моряна — ветер, дующий в направлении с моря.

26 Нахавозить — намусорить, навести беспорядок.

27 Кундить — хныкать, капризничать.

28 Чунки — ручные короткие санки.

29 Бузлуки — приспособление для передвижения по льду.

30 Китайская роза (гибискус) — вечнозелёное растение с крупными яркими цветами. Окрас цветков в зависимости от сорта может быть красный.

Марина Станиславовна Шапошникова

родилась в Астраханской области.

Окончила Астраханское педагогическое училище, позже получила высшее экономическое образование.

Автор книг «Детский рюкзачок», «Разноцветные стихи», «Где зимует лето?», «Крошка Пелли и её друзья».

Печаталась в журналах «Шалтай-Болтай», «Книжки, нотки и игрушки», «Современный детский сад», «Простокваша» и др.

Победитель V Международного конкурса на лучшее произведение для детей «Корнейчуковская премия» (Украина),

лауреат Международной премии имени Марка Твена 2020 (Канада), Международного литературного конкурса «Добрая Лира»,

IV Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» и пр.

Член Творческого объединения детских и юношеских писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

